

Премия
БРЭМА
СТОКЕРА

18+

Том Гукерфилли

**АКАДЕМИЯ
МРАКА**

Короли ночи

Том Пиккирилли
Академия мрака

«Феникс»

2023

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-4

Пиккирилли Т.

Академия мрака / Т. Пиккирилли — «Феникс», 2023 — (Короли ночи)

ISBN 978-5-222-41234-3

Ледящий кровь мистический триллер в лучших традициях Стивена Кинга и Клайва Баркера, удостоенный престижной премии Брэма Стокера! Начало нового семестра выдалось для Калеба не слишком удачным. Трудности в учебе, депрессия, беспробудное пьянство... И в довершение всего жестокая смерть неизвестной студентки в его комнате. Одержимый непреодолимым желанием раскрыть это преступление, Кaleb начинает собственное расследование, которое заведет его куда дальше, чем могло привидеться в самых страшных ночных кошмарах. Ведь в причудливых залах древнего университета проснулось настоящее Зло. И кровоточащие стигматы на руках Калеба неумолимо возвещают о его приближении. Книги американского «мастера ужасов» Тома Пиккирилли, четырехкратного лауреата премии Брэма Стокера, — настоящее открытие для русского читателя.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-222-41234-3

© Пиккирилли Т., 2023

© Феникс, 2023

Содержание

Часть первая. Однодневки	6
1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Том Пиккирилли

Академия мрака

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Иллюстрации: Виталий Ильин, 2023

© Перевод: Григорий Шокин, 2023

Copyright © Michelle Scalise-Piccirilli

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

Часть первая. Однодневки

*Посвящается Мишель, девушке в первом ряду.
И Винсу Харперу, сокурснику.*

*...Однодневки,
Что – мы? Что – не мы? Сон тени —
Человек¹.
Пиндар. Пифийские оды²*

---

¹ Сном и тенью называли человека в своих произведениях разные греческие поэты, но «сон тени» – уникальное сочетание, которое использовал только Пиндар. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Перевод М. Л. Гаспарова.

1

Урока этики было достаточно, чтобы пробудить в Калебе желание убивать.

За трибуной из красного дерева вещал профессор Йоквер, расхаживая по кабинету, как сумасшедший священник, проповедующий о страшном суде и адском пламени, в ожидании, когда ангел ораторского искусства овладеет им. Он воздел свои тонкие, похожие на проволоку руки и начал дико жестикулировать. Его пальцы дергались, как маленькие щупальца, когда он вопрошал:

– Что есть зло, мальчики? Что есть зло и что есть добро, вам известно-о-о?

Он долбанул по доске кусочком мела, чтобы придать вес словам.

Все на паре, похоже, наслаждались представлением.

– Вы знаете, ребята? Зна-а-аете?

Новичок в первом ряду строчил конспект так быстро, что смахивал на бойскаута, пытающегося разжечь огонь трением двух веточек друг о дружку. Сосредоточенный на том, чтобы записать каждое слово Йоквера, парень высунул язык и чуть ли не задышался. Что он мог писать?

Калевб взглянул на свои пустые страницы.

Вопрос-то хороший, а знает ли он на него ответ?

На другом конце класса сидела Кандида Селеста, улыбаясь той чувственной, так и сочащейся медом ухмылкой, от которой у Калеба до сих пор сводило внутренности; бывало, раз – и застанет врасплох, показав свои идеальные зубки. Она знай себе поправляла черные, цвета ночного неба волосы; ее кардиган в чирлидерском стиле был расстегнут аж до четвертой пуговицы, по старой-доброй моде, устоявшейся еще на первом курсе, и пальчик Селесты с игриво-розовым ноготком так и норовил от ключицы спуститься куда-то пониже, нырнуть прямо между загорелых (*не иначе как во Флориду на Рождество гоняла*) грудей. С внезапной, пугающей ясностью Калевб осознал, что профессор Йок ее заводит; осознание настолько бредовое, что Калевб рез в глазах ощутил. Он прокашлялся, тряхнул головой, глянул на часы. Четверть девятого утра. Еще целый час и двадцать минут терпеть эту утреннюю децимацию.

– Похоже, у вас назначено чрезвычайно важное свидание и мы вас оч-чень задерживаем, так, мистер Прентисс? – спросил Йок, поворачиваясь на полпути к доске и прохаживаясь по кабинету – раз, другой, третий. В роли пастыря-южанина он был небывало хорош – знал, как себя подать так, будто он персонаж из книг Фланнери О’Коннор или Карсон Маккаллерс.

Встав перед столом Калеба, Йок наклонился, чтобы осмотреть нерадивого студента с безрадостной улыбкой.

Калевб перевел взгляд влево, и они с профессором уставились друг на друга на такой близкой дистанции, что их подбородки почти соприкоснулись. Профессорский галстук в горошек висел криво, аккуратно подстриженная борода торчала под странным углом, а длинные волосы, стянутые в хвост, доходили Йоку почти до середины спины. Меловая пудра окутывала его аурой. Профессор яростно тряс своими тощими руками, и по всему телу от них расходилась столь сильная дрожь, что очки съехали с носа и полетели на пол. Но Йок оказался не лыком шит – их он успел поймать до того, как наземь грохнулись, изящным таким факирским движением, будто нож подкинутый ловил. Калевб невольно впечатлился.

– Что ж, не имеем права вас задерживать, мистер Прентисс. Ха-ха. Ха-ха-ха! – Йоквер подул на линзы, вытер их о лацканы. Вычурный узор на легком пиджаке профессора на мгновение загипнотизировал Калеба, попытался затянуть в свои кольца. Нырнешь так – и все: глубже, глубже, глубже, никогда не вынырнешь на поверхность. – Ну, и где же вы были? Какое чудное виденье похитило ваш милый ум?.. Хм-м?..

Головная боль ненадолго разжала клешни, а затем набросилась вновь. Алые лучи первого утреннего солнца, ярче улыбки Кандиды Селесты, стрелами вылетали сквозь щели жалюзи и разили прямо в лицо. Калевб моргнул и отвернулся от света. Все повернулись на своих местах и теперь пялились на него. Ну, бывает иногда. А на что, собственно, смотреть? Будто кто-то и впрямь собирался встать, наставить палец и крикнуть: «J’accuse!»³

---

³ «Я обвиняю!» (фр.). Именно так была озаглавлена статья французского писателя и публициста Эмиля Золя, напечатанная в ежедневной газете «Аврора» 13 января 1898 года. Статья была написана в форме открытого письма, адресованного президенту Французской республики Феликсу Форю, и обвиняла правительство в антисемитизме и противозаконном заключении в тюрьму французского офицера и политического деятеля Альфреда Дрейфуса.

В такой обстановке, как эта классная комната, было легко обзавестись целой кучей комплексов, и Калев чувствовал, что к тому делу и движется. Новичок в первом ряду наконец-то унял свое пламенное борзописчество, повернулся на стуле и тоже устался на Калеба.

Кандида Селеста усмехнулась, когда Йок повторил свое «хм-м-м», и то же самое сделал парень футбольной комплекции в рубашке без воротника, сидевший наискосок и изо всех сил пытавшийся дотянуться до ног девушки своими ногами. Он так расстарался, что Калев услышал, как лодыжки парня громко хрустнули. Еще двое парней сочли нужным подхватить это «хм-м-м», вторя тону Йока и подстраиваясь под него. Вилли и Роза добавили еще более растянутое «хм-ммм» от себя; Вилли маятником качался на своем месте, немного походя на Стиви Уандера. Они продолжали в том же духе до тех пор, пока не настроились на тональность фамбемоль, и Калев почти нашел в себе силы выдавить улыбочку. А вот девушка, сидевшая прямо перед Кандидой Селестой, встретила с ним взглядом и вдруг улыбнулась по-настоящему, всерьез. Правда, лишь на пару секунд – а потом еще и подмигнула, напугав этим до чертиков.

– Ну так что, мистер Прентисс? Где вы там?

– Здесь. С вами. Сажу вот... – ответил Калев.

– Честно-честно?

– Чесслово.

– Не похоже на то.

– Ладно, ваша взяла. Меня тут вообще нет.

Возможно, так и было на самом деле. Иногда точно казалось. В любом случае, Йоку явно понравилась эта смешная пикировка – было над чем подумать. А Калев если чего и хотел сейчас, то только встать и дать деру. Паранойя этим утром зашкаливала, кровяное давление – все сто шестьдесят на девяносто, и это в двадцать два-то года. В мыслях все перепуталось, на уши давил какой-то призрачный кошачий вой. Подошвы ботинок, казалось, чересчур легко скользили, будто кафельный пол только что натерли воском и любая попытка вскочить и сорваться с места неминуемо бы закончилась разбитой головой. Йоквер чуял любую нервозность, с особо нервничающими студентами он прямо-таки обожал играть в кошки-мышки.

– Нет меня, – повторил Калев и попытался пустить все на самотек, зная, а отчасти даже и надеясь, что так просто не отделается.

– Хм-хм-хм! Хм-хм-хм! – гудели на пару Вилли и Роза, шкодливо переглядываясь; они понятия не имели, как воздействуют сейчас на Калеба.

– А? – полуспросила Кандида, сверкнув резцами, такими белыми и красивыми.

Йок разинул рот. Его глаза наполнились гордостью, но была в них и какая-то печаль вкупе с огромной благодарностью за внимание. Калев знал, что Йокверу нравилось к нему придирааться, потому что это сближало остальную группу. Может, они выяснят, что есть добро, а что – зло, прямо здесь и сейчас.

Калев сглотнул, надеясь на полный рот слюны, но в горло будто песок набился.

– Извините, профессор, – сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал искренне. Неужели на этом все кончится? Сможет ли он сорваться с крючка? Попытка неплохая, да шансы маловаты.

Ну да, Йоквер никуда не делся.

Подобно деревянной марионетке на нитках, профессор выписал спотыкливый круг у своего кресла, подбоченившись. Не стоило обманываться – старик был способен двигать телом с грацией танцора, шагать пружинисто, по-спортсменски.

– Я вас не расслышал, мистер Прентисс. Вы извиняетесь? – Вот он перестал растягивать слова, без южного акцента звуча и вполголоса не так приятно. – И за что же?

«За многое, – подумал Калев, устремив взгляд на крапчатый галстук Йока. Среди крапинок он заметил нечто выбивающееся – пятнышко – и невольно фыркнул: *Что это у него там, чесночный соус?*»

Подняв глаза, Калев понял, что Йоквер и в самом деле ждет ответа. Смысл? Зачем продолжать давить на того, кого и так уже приперли к стенке? Театральщины ради? Чтобы произвестить еще больше впечатления на Кандиду? Скорее нет, чем да. Такие причины – слишком самоочевидные, чересчур человеческие.

Калев уже твердо решил, что прогуляет следующую пару по современной поэзии. Ему просто хотелось съесть яичницу с беконом в столовке, вернуться к себе в комнату и поспать еще несколько часов. Вечером, может быть, закинуться пивком. Постирать вещи и порыться на «иБэй», дочитать книжку, позаимствованную у Вилли...

Да, он дождется ночи, прежде чем осмелится украдкой проскользнуть в подвал университетской библиотеки и заняться *настоящей* работой.

Прочистив горло, Калев попытался улыбнуться, но не смог заставить губы двигаться правильно.

– Извините, что отвлекся в середине вашей лекции. В тот конкретный момент я не думал ни о чем особенном, профессор Йоквер, сэр. – На этом стоило закончить, боже. Но иногда Калев просто не мог остановиться. В нем закипало желание огрызнуться в ответ, росла острая необходимость хоть немного сорваться с поводка. Калев не мог сказать, дышит ли еще, и очень надеялся, что не начал задыхаться. – Ну, разве что с нежностью вспоминал, насколько удобна и безопасна материнская утроба...

Йок поднял свои бледные руки над головой, растопылив костлявые пальцы.

– Молодой человек, я вас понял. Не извиняйтесь.

– Не буду. – Калев кивнул.

– В смысле?

– Я не извиняюсь.

Он услышал, как Джоди, сидящая за партой аккурат позади, издала один из тех раздраженных вздохов, значащих что-то типа «о-пожалуйста-Калев-не-навлекай-на-нас-еще-большие-несчастья». Эти вздохи были отточены до совершенства. Джоди лучше, чем кто-либо другой, знала, как он боялся этого курса, но все равно считала, что Калев справится, возлагала на него слишком много надежд, и он не понимал, с чего вдруг. Джо была причиной, по которой Калев записался на курс Йоквера по философии в первую очередь. При обычных обстоятельствах одного факта начала занятий в восемь утра было достаточно, чтобы отпугнуть Калеба от курса, но в последнее время они с Джоди проводили так мало времени вместе, что парень решил записаться в любом случае. А еще время было удобным, чтобы ночевать у Джоди в комнате, – пусть совместные ночевки и не всегда проходили так, как он надеялся.

Дружеский огонек, заплывавший в глазах Йоквера на прошлой неделе, когда Калев бросил заявление об уходе на профессорский стол, показал, сколь большое удовольствие доставил студент преподавателю, обличив свою неприязнь к нему и к его предмету. Температура воздуха между ними будто резко упала в тот момент – Калебу почти казалось, что он видит клубы пара у себя изо рта. Молча скомкав листок, профессор Йоквер швырнул его в корзину для мусора и вернулся к вычеркиванию больших фрагментов из «Сумерек богов» Ницше.

Десять дней назад Йоквер читал лекцию о том, что такой вещи, как движение, не существует. В качестве примера он привел стрелу, сказав, что в каждый промежуток времени она остается неподвижной, затвердевая в пространстве, занимаемом в данный конкретный момент. Чем-то подобным, наверное, можно было удивить детей, прогуливавших уроки физики в школе. Йок подкрепил тираду еще одним убийственным примером, кружась перед классом с воплями: «Я неподвижен!» – если пересказывать, вроде и забавно, а на деле смотрелось очень тупо и даже как-то *уродливо*.

Позже Калев настучал декану, обладателю докторских степеней по физике, химии и (подумать только) теологии, о выходках Йока. Парень молил, чтобы декан закрыл глаза на правила принятия заявлений от учащихся и освободил его от этой пытки. Но декан лишь бросил

на Калеба долгий взгляд, говорящий: *«Даже не пытайся свалить ответственность за собственные промахи на меня, взрослого занятого человека»*. Ни словом не обмолвился – такому и взгляда хватало.

Но ведь и у Йока есть хорошие стороны, в конце концов.

Вот сейчас он улыбается, забавно шевелит бровями, разыгрывает очередное шоу.

– Вы, значит, не извиняетесь? Ну, другого от вас и не ждал, молодой человек... но скажите мне, почему тогда...

«У любого есть свой предел, о'кей? Так что хватит...»

– Значит, говорите...

«...рвать меня на лоскутья...»

– ...что вы не извиняетесь...

«...старый ты стремный черт!»

– ...Кальвин?

Да, вот до чего дошло. Этот издевательский, насквозь водевильный акцент, с которым Йоквер назвал его *Кальвином* – с абсолютно хулиганской интонацией, с такой зовет тебя полным именем школьный задира, держа коробку с завтраком над головой, чтобы зарядить под дых, когда пытаешься дотянуться. Акцент чуть не стал последней каплей. *Калерб* – так его звали, никакой не *Кальвин*, так что дешевая подколка улетела в молоко... но дело даже не в этом. Неужели ситуация *настолько* вышла из-под контроля? Неужто Йок взялся всерьез крутить Калебу нервы или это у него шарики за ролики помаленьку закатываются?

– Я подумал, так... – Калерб чувствовал, как сбивается его дыхание, – так... будет вежливо... намекнуть вам, чтобы вы от меня *отвязались*.

Он закрыл пустую тетрадь. Так, ну что там у нас по плану – «неуд»? Все что угодно, лишь бы убраться отсюда к чертовой матери.

Сняв очки театральным жестом, как Кларк Кент в момент невзгоды – река выходит из берегов, школьный автобус без тормозов скользит по горной дороге, словно вот-вот сорвет рубашку и обнажит синеву лайкры с алой литерой S, – Йоквер помассировал переносицу и лихорадочно почесал морщинку между глазами. Конский хвост перекинулся сперва через левое плечо, а затем – через правое, когда профессор покачал головой и громко закудахтал.

– Видимо, вы считаете, что уже знаете все ответы, и поэтому не желаете вникать в истинную суть моего курса. Итак, Кальвин, почему бы вам не рассказать мне и всей группе, что на самом деле творится у вас в голове?

Калерб улыбнулся, и брови Йока слегка опустились. Улыбаться было куда приятнее. Что-то жидкое и кипящее внутри вдруг затвердело. Он больше не чувствовал биения пульса на запястьях, но голова все еще немного болела. Откинув волосы со лба, Калерб сказал:

– Если бы я хотел посмотреть на клоуна – пошел бы в цирк.

– Вот как?..

– Да, каких-то там десять долларов – и мне покажут потешного карлика, умеющего жонглировать велосипедными шинами, и даже предложат в подарок маленькую лазерную указку, чтобы пируэты чертить в темноте. Ну и еще – пудели танцующие, знаете же... все веселее, чем ваши попытки объяснить скорость.

Джоди, подавив смешок, прошептала:

– О, Калерб...

Кто-то из парней откликнулся неопределенным мычанием – звук такой, будто церковный хор вышел на разогрев. Господи, как школьники из младших классов – неужели этим людям до сих пор доставляет удовольствие зрелище чьей-то публичной выволочки? «Ну-ка в угол, негодный вы мальчишка!» – неужто всем *настолько* скучно, что даже *такое* в кайф?

Ну да, само собой. Всегда так было, всегда так будет.

– Я думаю, что социально приемлемый термин в наше время – это «маленькие люди», а не «карлики», Кaleb.

– Я уже три недели посещаю ваши занятия, и вы до сих пор ни на секунду не сменили свое амплуа уличного факира, чтобы обсудить что-нибудь действительно важное. Какие-нибудь этические, моральные или социальные дилеммы, а также такие сложные вопросы, как загробная жизнь, расизм, цензура, порнография, аборт или... – Он подыскивал что-то подходящее, и все сошлось в одной длинной вспышке образов, о которых в отдельности почти никогда не думал. – ...проституция, джихадизм, инцест, Руби-Ридж⁴, гедонизм, войны или те умники, что хотят устроить для больных СПИДом концлагерь в пустыне. – Кaleb сглотнул слюну, собравшуюся во рту, – гуще сиропа. – Новые законы о социальном обеспечении... теракт в Оклахоме... и са... *самоубийства*.

– М-хм.

На ум пришли и другие словечки, но тирада уже подошла к концу, и снова перед глазами замаячил образ сестры, протягивающей к нему окровавленные руки.

– Вы громите Ницше, оскорбляете Камю, принижаете Сартра и...

Йок на мгновение вытянул губы в дудочку, дав Калебу прекрасную подсказку.

– ...и плюетесь в Бертрана Рассела и Сократа. – Кaleb знал, что до последнего, самого болезненного удара не хватает лишь малости. *Да! Давай! Аккурат по мягенькому!* – И еще вы совершенно точно пялились на грудь моей девушки.

Джоди застонала, будто ее пырнули ножом, а Йоквер перевел взгляд точнехонько на ее грудь, и его улыбка расширилась до совсем уж некрасивых пределов: уголки губ почти доползли до мочек ушей. Кaleb задумался, сможет ли когда-нибудь выкинуть эту сцену из головы.

Парень футбольной комплекции в рубашке без воротника спросил у Кандиды:

– Джихадизм – это кто?

Она пожала плечами и бросила на Калеба напряженный взгляд, в котором сквозило нечто ободряющее, безумное и донельзя чувственное. Профессор Йоквер хихикнул, изображая панику, дергая себя за волосы с открытым ртом, затем жестом попросил поддать еще жару: *«Так держать, Кальвин»*. Его лицо стало чересчур красным, а где-то в мутных глазах мерцало дьявольское зарево.

---

⁴ Руби-Ридж (англ. Ruby Ridge) – местность, расположенная в северном Айдахо. В 1992 году стала местом одиннадцатидневной осады, начавшейся 21 августа, когда представители властей США инициировали действия по задержанию и аресту некоего Рэнди Уивера на основании судебного ордера после его неявки по обвинению в сбыте и хранении огнестрельного оружия. Уивер отказался сдаться, и члены его семьи, а также друг семьи Кевин Харрис, также оказали сопротивление федеральным маршалам, в результате чего погибли жена Уивера Вики и его четырнадцатилетний сын Сэмми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.